

МАСТЕР ПОБЕГОВ

*Питер Дж. Уокер
представляет
Ангуса Дитона,
который предложил
новаторские
подходы,
устанавливающие
связь между теорией,
измерениями,
политикой
и жизнью людей.*

Декабрь 2015 года для Ангуса Дитона пронесся в вихре событий. Была поездка в Стокгольм, где король Швеции Густав вручил ему Нобелевскую премию по экономике. В соавторстве с Энн Кейс вышла его новаторская статья о смертности населения среднего возраста в Соединенных Штатах, которая привлекла внимание общественности к более широкой дискуссии о неравенстве и стагнации доходов.

«Когда вам присуждают Нобелевскую премию, это чрезвычайно широко освещается в прессе, и я никак не ожидал, что это можно превзойти, но наша статья привлекла еще больше внимания, — ощущение было такое, что одно цунами еще только отступало, как уже накатило новое, еще более сильное цунами, — вспоминает Дитон в интервью в своем кабинете в Принстонском университете, и в его речи мягкий шотландский акцент сливается с нотками с другой стороны Атлантики.

В своей статье Дитон и Энн Кейс, ведущий экономист и его коллега по Принстону, сделали тревожное открытие: с конца 1990-х годов, после десятилетий прогресса, снижение показателей смертности белых американцев среднего возраста остановилось или сменилось ростом, в основном из-за самоубийств и злоупотребления алкоголем и наркотиками, такими как опиоиды. Когда Кейс и Дитон, которые являются супружеской парой, встретились с президентом Бараком Обамой в Белом доме на приеме для лауреатов Нобелевской премии США, президент прервал Дитона, когда тот хотел представить ему Кейс, сказав: «Я знаю, кто такая доктор Кейс, давайте поговорим о вашей статье».

Эта статья, озаглавленная «Рост заболеваемости и смертности в середине жизни среди белых американцев нелатиноамериканского происхождения в XXI веке», затрагивает саму суть эпидемии опиоидов, утверждая, что это больше, чем кризис общественного здравоохранения, это еще и экономический кризис. «Даже если положить конец наркозависимости, это не устранил эпидемию, потому что есть гораздо более глубокая проблема — реальная заработная плата людей, имеющих только среднее образование, падает последние 50 лет», — говорит Дитон.

Двойное цунами нобелевской премии и этой статьи стало венцом продуктивной научной карьеры, отмеченной исследованиями, незаурядными по своей значимости и разнообразию, включая вопросы общественного здравоохранения, бедности, потребления, сбережения и многие другие.

«Используя свои превосходные навыки количественного анализа, Дитон занимался невероятно широким кругом тем в экономике и в других областях, — говорит принстонский профессор экономики Орли Эшенфельтер. «Присущие ему продуманное использование доказательств и пристальное внимание к данным, вероятно, никогда не были более важны, чем сегодня, когда не подкреплен-

ные знаниями мнения, отстаиваемые с пеной у рта, все чаще становятся мощной политической силой».

«Биография Дитона берет свое начало в совершенно другом мире. Он рос в 1950-х годах в Эдинбурге, который он вспоминает как «довольно угрюмое в то время место», и юный Дитон находил отдушину в книгах об Индии и других далеких краях. Он также любил природу, проводя много вечеров за играми на Медоуз, большом пустыре, который в то время переустраивался обратно в парковые уголья из садовых участков, которые людей призывали «возделывать во имя победы» во время Второй мировой войны, закончившейся за несколько дней до рождения Дитона.

Когда ему было девять лет, Дитон переехал с семьей в небольшую деревню недалеко от шотландско-английской границы, где на него обратили внимание учителя в местной школе. Это очень порадовало его родителей, особенно отца — в свое время ему не позволили пойти в среднюю школу, но позже он наверстал это отставание, посещая вечерние занятия, стал инженером-строителем и всемерно поощрял образование своего сына. Впоследствии стипендия в престижном колледже Феттис, которую Дитон получил в возрасте 13 лет (он был одним из двух мальчиков из малоимущих семей, принятых в том году), стала исполнением, казалось бы, несбыточной мечты его отца.

В Феттисе ученики занимались самостоятельно, и этот подход пошел на пользу Дитону. Учеба стала для него увлечением. Как и другие мальчики, Дитон был зачислен в кадетский корпус Королевского военно-морского флота при школе и проводил лето в морских походах, впервые побывав за границей — в Бретани, Франция, где они «все сошли на берег и купили дешевого красного вина».

Получив среднее образование, Дитон был принят в Кембриджский университет по специальности математика, но вскоре потерял к ней интерес, сочтя, что этот предмет в то время «преподавали невероятно плохо». Он стал искать другой предмет и ему порекомендовали избрать экономику, хотя он даже не представлял, что такое «экономика».

Со временем интерес Дитона к этой дисциплине неуклонно рос. Он провел лето за чтением учебников по экономике, стараясь при этом не потерять работу продавца одежды на борту трансатлантических лайнеров *Queen Elizabeth* и *Queen Mary*. Каждые две недели он сходил на берег на пирсе 92 в Нью-Йорке, в районе, который был «довольно опасным, с многочисленными грязными забегаловками», и постепенно стал выходить дальше береговой зоны, чтобы исследовать остальную часть Манхэттена.

По возвращении в Кембридж такое знакомство с суровыми реалиями жизни оживляло их студенческие дискуссии. «Мы все читали газеты левого толка, и все мы работали на революцию, что каждый мог понимать по-своему, но в основном это означало, что мы сидели за выпивкой и играли в карты», — говорит Дитон.

После окончания университета в 1967 году и непродолжительной работы в Банке Англии Дитон вернулся в Кембридж для учебы на степень доктора и работы ассистентом-исследователем, а также чтобы быть рядом с Мэри Энн Бернсайд, его первой женой. Они переехали в деревню неподалеку, и у них родились двое детей, Ребекка и Адам.

На работе Дитон нашел себе наставника — будущего лауреата Нобелевской премии Ричарда Стоуна, и они вместе работали над анализом сбережения и спроса, двух основ экономики. Они сделали первый шаг к их более глубокому пониманию, когда Дитон, используя пример своих колебаний перед тем, как купить чашку кофе в Великобритании в период высокой инфляции в 1970-х годах, высказал мысль, что, вопреки общепринятым представлениям, непредвиденная инфляция может способствовать приросту сбережений, а не их сокращению. К удивлению скептиков, правительство позже сообщило об увеличении сбережений домашних хозяйств, как и предсказывала его теория.

Это произвело должное впечатление, но ранняя академическая карьера Дитона не была беспрепятственным восхождением; иногда он расстраивался из-за кажущегося отсутствия прогресса. В этом он был не одинок. Дитон и его партнер по теннису, будущий управляющий Банка Англии Мервин Кинг, сблизилась на почве их взаимного, хотя и преждевременного, разочарования из-за того, что они еще не получили звания профессора. Ни тому, ни другому тогда еще не исполнилось тридцати.

Это произошло в 1975 году, когда Дитон стал профессором эконометрики в Бристольском университете. Всего несколькими месяцами ранее Мэри Энн трагически скончалась, и Дитон хотел сменить обстановку как по личным, так и по профессиональным причинам.

В Бристоле Дитон разработал «почти идеальную систему спроса» в сотрудничестве с Джоном Мюллебауэром, кото-

рый тогда работал в колледже Биркбек, Лондон. Как следует из названия, модель не претендовала на совершенство, она была *почти* идеальной, но, тем не менее, давала более полную и реалистичную картину поведения потребителей по сравнению с предыдущими попытками. В числе других ее достоинств эта модель могла более точно предсказать, как меры политики, например, налоговые изменения, повлияют на разные группы по доходу и демографическим признакам. Нобелевский комитет позднее отметил, что «даже 35 лет спустя она остается краеугольным камнем оценки спроса во всем мире, независимо от того, основана ли эта оценка на данных уровня агрегированных показателей, физических лиц или домашних хозяйств».

Дитон провел 1979–1980 учебный год в академическом отпуске в Принстоне (прежде чем перейти туда на постоянную работу в 1983 году) и был впечатлен его ресурсами и интеллектуальным уровнем. Единственной загвоздкой с этим отпуском было то, что Принстон «оплачивал мне только девять месяцев, поэтому мне нужно было чем-то заняться летом». Он нашел работу во Всемирном банке, работая над начальной стадией исследования методов измерения уровня жизни, чтобы понять, как политика влияет на социальные результаты в развивающихся странах. Дитон внес существенный вклад в это исследование, особенно в разработку обследований домашних хозяйств.

На протяжении карьеры Дитона обследования домашних хозяйств расцениваются как один из его самых весомых вкладов. Он предложил новые методы использования и интерпретации обследований домашних хозяйств для более точного описания реалий на местах путем учета потребления, анализа возрастных групп и оценки цен на местном рынке. Значительную часть своей работы Дитон проводил в Индии, возродив свое детское увлечение этой страной.

ЗДОРОВЬЕ И ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

В своей статье 2015 года «Рост заболеваемости и смертности в середине жизни среди белых американцев нелатиноамериканского происхождения в XXI веке» Энн Кейс и Ангус Дитон высказывают важные соображения об опиоидной эпидемии, сравнивая ее серьезность с кризисом СПИДа.

Они обнаружили, что уровень смертности среди белых мужчин и женщин нелатиноамериканского происхождения в возрасте от 45 до 54 лет повышался на полпроцента в год с 1999 по 2013 год после падения в предыдущие два десятилетия. Наркотики, алкоголь и самоубийства были главными причинами нового повышения смертности, которое было более выраженным среди тех, кто не получил высшего образования. Заболеваемость также увеличилась — сообщается о значительно большем числе случаев физического и психического нездоровья. При этом среди других демографических групп США и в других странах с развитой экономикой смертность продолжала снижаться.

Что, по мнению Кейс и Дитона, стоит за этими тревожными тенденциями? Рецептурные болеутоляющие средства, известные как опиоиды (синтетические формы опиума) стали более широко доступны в конце 1990-х годов, что примерно совпадает по времени с увеличением смертности и заболеваемости. Неустойчивое экономическое положение также может играть определенную роль, поскольку относительно бедное белое население среднего возраста особенно пострадало от медленного роста средней заработной платы в США, а также перехода от пенсионным планам с установленными выплатами к планам с установленными взносами, переносящим финансовый риск на работника. Кейс и Дитон предупреждают, что следствием неспособности взять эпидемию под контроль может стать «потерянное поколение».

В последующей статье 2017 года «Смертность и заболеваемость в XXI веке» они установили, что эта тенденция продолжалась до конца 2015 года.

В течение большей части 1980-х и 1990-х годов Дитон продолжал делать передовые открытия в изучении потребления, показывая необходимость согласовывать индивидуальное поведение с совокупными результатами. Он также проанализировал, как потребление меняется с течением времени, сформулировав «парадокс Дитона», отмечая, что стандартная версия гипотезы о постоянном доходе с репрезентативным субъектом является внутренне непоследовательной, поскольку динамика временных рядов среднего дохода подразумевает, что временные изменения дохода должны приводить к большим, а не меньшим изменениям потребления.

В этот период Дитон стал более углубленно заниматься экономикой развития. Например, он проанализировал так называемый тезис ловушки бедности. Он выразил несогласие с широко распространенным аргументом, что плохое питание не позволяет людям зарабатывать достаточно, чтобы избежать нищеты. Опираясь на исследования в Индии, Дитон и Шанкар Субраманиан из Корнельского университета показали, что достаточное питание стоит всего 5 процентов дневной заработной платы. Они пришли к выводу о том, что недоедание является следствием, а не причиной нищеты.

В книге «*Великий побег: здоровье, благосостояние и истоки неравенства*», изданной в 2013 году, Дитон утверждал, что иностранная помощь может причинять вред, поскольку она делает правительства-получатели более подотчетными иностранным донорам, чем собственному народу. В результате разрушается социальный контракт между государством и гражданами, что снижает стимулы для укрепления институтов и других реформ, имеющих определяющее значение для устойчивого развития. «Довод о том, что мы должны что-то сделать, потому что эти люди живут в такой нищете, кажется очень убедительным, хотя на самом деле это не так», — говорит он. «Главное — это не навредить им, но именно это сейчас и происходит».

Эти аргументы вызывают споры. «Есть много конкретных, осязаемых преимуществ в виде медсестер, учителей, прививок, предотвращенных смертей и т.д., которые можно противопоставить довольно расплывчатому и не подкрепленному особо убедительными доказательствами утверждению о долгосрочном институциональном ущербе», — писал Данкан Грин из Oxfam GB в блоге этой организации по борьбе с бедностью. Другие утверждали, что главный вопрос — в том, каким образом предоставляется иностранная помощь. Дискуссии на эту тему не прекращаются.

Продолжается и обсуждение основной идеи книги — что последние 70 лет отмечены значительным сокращением бедности и улучшением здоровья во всем мире. «Невозможно представить, что эти достижения произошли бы без глобализации», — пишет Дитон. Он отвергает представление о том, что суть проблемы состоит в глобализации, утверждая, что настоящими виновниками являются «победители,

которые, поднимаясь все выше, убирают за собой лестницы», и, как следствие, плохая государственная политика, порождающая стремление корпораций к извлечению ренты, недостаточный уровень медицинского обслуживания и стагнацию заработной платы.

Аспекты этого аргумента представлены в статье Кейс и Дитона 2017 года «Смертность и заболеваемость в XXI веке».

Дитон и Кейс познакомились в Принстоне; они поженились в 1997 году и сегодня работают в соседних кабинетах. Когда жена или муж еще и твой коллега, это доставляет много приятных минут и радости, но при этом сопряжено с некоторыми проблемами выбора, которые им еще предстоит разрешить, признает Дитон. «Нас просят выступить постоянно и повсюду, и если я выступаю с докладами, а Энн преподает, очень трудно найти время, чтобы заняться нашей научной работой». В редко выпадающее свободное время они любят рыбачить, готовить и путешествовать.

В декабре 2016 года, через год после волнующих дней, связанных с Нобелевской премией и выходом статьи о смертности, Дитон с Кейс и сыном Адамом заскочили в лондонское такси и попросили отвезти их в Букингемский дворец. «А вы с какой целью?» — спросил таксист, гадая, кто они — туристы или гости королевского двора. «Мой папа избрал новый вид держателя для туалетной бумаги, который понравился королеве», — пошутил его сын. Когда они прибыли во дворец, Дитон был посвящен в рыцари принцем Уильямом, герцогом Кембриджским.

«Это замечательная дань уважения науке», — провозгласил профессор сэр Анкус Дитон, — «и это гораздо приятнее, чем искать коня, доспехи и копьё, чтобы поскакать в битву за королеву». **ФР**

Экономист Анкус Дитон доказывает, что внешняя помощь может идти во вред.

ПИТЕР ДЖ. УОКЕР — старший сотрудник по коммуникациям в Департаменте общественных коммуникаций МВФ.